

Она вовсе не глупа. Разве найдется хоть одна женщина, которая захотела бы всем сердцем привязаться к такому ветренику, как Вэньчан-хоу? Все они были с ним лишь ради карьеры своих братьев да ради сытой, роскошной жизни.

Но теперь, когда он мертв, о роскоши можно забыть. Не прошло и дня, как обитательницы поместья разлетелись, словно птицы, каждая — на поиски собственного пристанища.

Однако она — младшая жена хоу, да к тому же с маленьким наследником на руках. Кто, кроме императора, осмелится принять их?

Знай она, чем все обернется, не стала бы так высоко забираться.

Юная наложница плакала, и в ее слезах к ней пришла Наньгун Ли.

Принцесса не стала тратить слов попусту. Сев в кресло, она с грохотом выложила на стол Меч Чистого Ветра:

— Господин Сунь, как продвигается расследование?

В народе говорят: чин чином, а вышестоящий всегда раздавит. Пост инспектора, дарованный самим императором, был куда выше должности губернатора Лянчжоу. Сунь Хунван, придавленный этим грузом, едва дышал. Он лишь подобострастно поддакивал, обливаясь холодным потом.

Теперь, лишившись покровительства Вэньчан-хоу, он прекрасно понимал, чего стоит сам, будучи лишь губернатором захудалого города.

— Господин Сунь, Вэньчан-хоу замышлял покушение на нашего пограничного генерала, тем самым пытаясь расшатать устои государства. За такое преступление полагается мучительная казнь. Считайте, что вы отделались легким испугом, не так ли?

Юной принцессе Великой И всего восемнадцать, но в ней уже чувствуется стать покойной императрицы: величавая, уверенная, в каждом жесте — императорское достоинство.

— Но ведь хоу — член императорской семьи. Даже если он совершил тяжкое преступление, по закону его дело должно рассматриваться тремя высшими сановниками. А вы... вы убили его без суда...

Губернатор Сунь бросил взгляд на свою рыдающую сестру и попытался сделать последнюю попытку спастись.

— Что, я не имею права его казнить?

Она положила руку на рукоять меча.

Сунь Хунван от страха рухнул на колени и принялся отбивать поклоны:

— Имеете! Конечно, имеете! Ваше Высочество, вы совершенно правы!

— Господин Сунь, не думайте, что я не знаю, что вы за фрукт.

Принцесса с презрением окинула взглядом дрожащего у ее ног человека:

— Столько лет вы с Вэньчан-хоу действовали заодно: один алчный, другой распутный — сколько простого люда вы погубили? И я искренне не понимаю, как божество храма в горах Циляннь могло покровительствовать такому зверю?

В те годы, когда Сунь Хунван был еще мелким уездным чиновником, его мать ради карьеры сына отправилась в храм на горе Циляннь, чтобы воскурить Благовоние Драконьей Головы.

Для жителей Лянчжоу этот храм был местом одновременно священным и смертельно опасным.

Все дело в том, что воскурение благовоний здесь не чета другим местам: крошечное святилище прилепилось к отвесной скале, уходящей в облака. Снаружи, над бездонной пропастью, выступает каменная балка, высеченная в форме дракона. На голове этого дракона и стоит курильница, на три чи вынесенная за край скалы.

Это и есть знаменитое Благовоние Драконьей Головы.

Курильница стоит над пропастью, глядя в бездну, от одного вида которой кровь стынет в жилах. Сотни лет люди приходили сюда в надежде исполнить свои заветные желания, и один за другим находили свою смерть у подножия утеса.

Старуха, мелко семеня крошечными ножками, с огромным трудом вставила три палочки благовоний в курильницу. Но на обратном пути она оступилась и, не успев даже крикнуть, сорвалась с огромной высоты. Ее костей так и не нашли.

Ирония в том, что карьера чиновника Суня действительно пошла в гору. Уже на следующий год он стал губернатором, а сестру свою отправил в поместье хоу, где та в одночасье стала особой, приближенной к императорскому роду. Хоу, наслушавшись женских нашептываний, на следующий же день испросил у Императора И позволения возвести в городе роскошную пятипролетную арку в память о матери Суня, посмертно пожаловав ей титул госпожи первого ранга.

С тех пор народ Лянчжоу потянулся к храму еще сильнее, и за долгие годы число погибших там стало неисчислимым.

Ван Вань, стоявшая рядом с Наньгун Ли, слегка поклонилась:

— Ваше Высочество, даже боги не могут быть вечно правы. Небо тоже порой слепнет.

Глаза принцессы потемнели:

— Ничего. Если оно закрыло глаза, то я буду смотреть за двоих.

В исторических летописях сказано: в тот день принцесса Наньгун Ли собрала в канцелярии губернатора семьдесят два уездных начальника Лянчжоу. Одного она наградила, другого казнила, а остальных подвергла суровому наказанию. Чиновники всех округов содрогнулись и принялись за службу с невероятным усердием. Тридцать шесть лет спустя старики и дети Лянчжоу все еще с теплотой вспоминали принцессу — верный признак того, что народ не забыл ее доброты.

Когда закат окрасил небо в золотые тона, Наньгун Ли наконец закончила допросы.

Настал черед семьи Сунь.

Губернатора Суня уже лишили чиновничьего облачения. Его и всех его родичей приволокли в зал в кандалах, которые звенели в такт их яростным выкрикам:

— Женщина правит — все равно что обезьяна лает на небо! Курица вместо петуха кричит! Нравственные устои Лянчжоу сегодня окончательно пали!

— Ха, курица вместо петуха? — Наньгун Ли отложила кисть. — А ты сам-то не от матери рожден? Нравственность? Ты, будучи чиновником, погряз в коррупции и позволял подчиненным чинить произвол — вот это и есть отсутствие всякой нравственности!

Она швырнула на пол кипу бумаг, которые снежными хлопьями разлетелись перед преступниками.

Сунь Хунван пробежал глазами пару страниц и в ужасе воскликнул:

— Откуда это у тебя?!

— Случайность, похожая на божественное правосудие, — холодно усмехнулась Наньгун Ли.

Юэ Ниншуан, хоть и была отравительницей, перед уходом совершила доброе дело — оставила в лечебнице все копии рецептов для прерывания беременности. В списках значились не только сам Сунь Хунван, но и секретарь Сунь Фу, и слуга Сунь Лу... Там были все — от высших чинов до мелких сошек губернаторского двора.

Весь огромный город Лянчжоу превратился для них в публичный дом, куда можно было

завалиться в любой момент, даже не платя ни гроша.

В прошлом году Ли Миньгуань под предлогом врачебной практики обходил дома и обнаружил, что больше половины тех женщин уже нет в живых.

Этот мир был жесток к женщинам. Если даже сестре Ван Вань не нашлось в нем места, то что говорить об остальных?

Люди говорят, что родить красивую дочь в бедной семье — не к добру.

Но разве есть вина в том, что девушка родилась прекрасной?

— Сунь Хунван, Сунь Фу, Сунь Лу! Вы, псы и разбойники, заслуживаете смерти! Раз уж вы отринули закон, то пусть возмездие будет полным. Эй, стража, дать этому главарю пятьсот ударов плетью!

Принцесса закатала рукава, продолжая писать и негодовать, и, указав на негодяя-губернатора, приказала:

— Исполнять!

— Ваше Высочество, помилуйте! Пятьсот ударов — чем это отличается от медленной казни?!

Принцесса приподняла бровь:

— Отличается. Может, фарша будет чуть больше.

Чем невиннее она улыбалась, тем страшнее был ее гнев. Ее слова, от которых у всех присутствующих чиновников кровь стыла в жилах, были призваны создать коллективный кошмар. Чтобы каждый из них, вспоминая этот день, дрожал от ужаса и больше никогда не осмелился бы протянуть руку к чужому.

Десять лет назад кровь ста тысяч павших у заставы Юймэнь пропитала восемьсот ли гор Цилян, но спустя десятилетие мир не стал лучше ни на йоту.

Те, кто ушел, стояли в конце пути, глядя на нее и ожидая. Тот человек, о котором она грезил, все еще лежал на больничной койке, покрытый ранами, шепча в бреду ее имя.

Она не могла прийти к ним, ничего не сделав.

Ее порыв, ее решимость, ее твердость, подобная горе, — все это было явлено миру. Она станет тем, кто исправит несправедливость, даже если ради этого придется отправиться в ад.

— Ах ты, дрянь! Я тебе сейчас покажу!

Сунь Лу, отличавшийся буйным нравом, не мог смириться с тем, как его господин и старший брат Сунь Фу униженно ползают в ногах у девчонки. Выбрав момент, он оттолкнул стражников и бросился прямо на Наньгун Ли.

Месть за отрубленную ладонь еще не свершилась!

Эта хрупкая принцесса — чем она отличается от тех цыплят, которых они тащили в постель? Только слезы, писк, да никакой защиты. Тонкая шейка, хрустнет под пальцами — и даже крикнуть не успеет.

— Ваше Высочество!

Ван Вань как раз увидела, что слуга принес чайник с кипятком, и в отчаянии плеснула им в Сунь Лу.

Раздался истошный вопль. Горячий пар окутал правую сторону лица Сунь Лу, а когда он отнял руку, стало ясно, что правый глаз сварился заживо. Жуткий вой пронзил крышу и разнесся над городом.

— Стража, продолжать экзекуцию! — скомандовала Наньгун Ли.

Слова, пропитанные запахом крови и беспощадной жестокостью, вместе со свистом плетей давили на сердца всех присутствующих.

Длинная казнь сопровождалась несмолкаемыми воплями губернатора. К концу процесса даже самые стойкие не выдержали: у чиновников со слабыми нервами начались рвотные позывы.

— Ваше Высочество, если бы в Великой И составляли список жестоких палачей, вы бы точно заняли в нем место, — заметила Ван Вань.

Наньгун Ли лучезарно улыбнулась:

— Разве это интересно? Если уж быть, то первой!

Ван Вань промолчала.

Первой? Она что, хвастается этим? Девушка, которая так не дорожит своей репутацией — это все равно что трубить в рог у городских ворот: слишком уж она непредсказуема.

Почему-то Ван Вань казалось, что она никак не может разгадать Наньгун Ли.

Принцесса была еще совсем юной, любила шум, новизну, любила подкалывать людей, в ней была какая-то детская озорная вредность, но это не вызывало неприязни. Цветок, а не девушка, в самом беззаботном возрасте — невинная, чистая, с сияющими глазами.

Ее улыбка была прекрасна, но в ней таилась какая-то невыразимая печаль. Почему каждый раз, когда она улыбается, кажется, что внутри она плачет?

В этой загадочной девушке всегда сквозила красота увядания, леденящая кровь сексуальность. Словно она уже прошла долгий путь, пережила бесчисленные битвы и сражения, давно рассыпалась в прах и больше никогда не сможет по-настоящему ожить.

— Сестрица, неужели я была слишком жестока? Вдруг она снова разозлится?

Внезапно она вспомнила о той, другой.

Она боялась ее гнева, боялась разочаровать ее, боялась, что та снова будет холодна к ней целый год.

Ван Вань улыбнулась:

— Ваше Высочество, многие хотят, чтобы девушки были послушными, наивными и вечно пребывали в младенческом неведении, полагая, что в этом счастье. Но мне кажется, что куда приятнее растоптать кучку трусов и приспособленцев.

Лечебница.

— Она...

Су Лисюэ открыла глаза, и первой ее мыслью была Наньгун Ли.

— Она?

Ли Миньгуань, разбиравший травы, подошел к ней и, проверяя пульс, искоса взглянул на свою упрямую пациентку. Он притворно рассердился:

— Только открыла глаза — и сразу о ней! Генерал, я два дня и две ночи не отходил от вашей постели, неужели вы даже не вспомнили обо мне?

— Благодарю вас за труды, доктор Ли, — Су Лисюэ склонила голову, смущенно добавив: — Простите.

Но ее ясные глаза то и дело невольно устремлялись к двери. В ее сердце была только та, другая.

Ли Миньгуань окончательно сдался:

— Успокойтесь! С ней все в порядке, она давно ушла домой спать. Вы же знаете эту девчонку, она не станет мучить себя. Но из-за ее слов... вы видели, в каком состоянии вы были вчера? Хотите кого-то напугать до смерти?

У людей, закаленных в боях, крепкий организм, но яд Юэ Ниншуан был коварен. Если бы не выходка принцессы, она бы не разволновалась до такой степени, что потеряла контроль над собой.

— Хорошо, что все обошлось. А то, если бы с вами что-то случилось, ваша маленькая принцесса преследовала бы меня до края света!

Доктор Ли с иронией пожаловался на свою судьбу.

— Она не настолько неразумна... — тихо пробормотала Су Лисюэ, чувствуя полное бессилие.

Ли Миньгуань прищурился и замолчал.

Мало кто понимает, что даже движение губ или век требует жизненных сил. Когда дыхание становится слабым, даже моргание превращается в тяжелое бремя.

Она только пришла в себя, и сейчас была прозрачной, как фарфор — страшно было даже дышать рядом.

— Доктор Ли, пришла кормилица принцессы, она в передней... Ой, генерал, вы очнулись!

Внезапно Тан Юнь отодвинула занавеску и заглянула внутрь.

Ли Миньгуань был озадачен:

— Матушка Ли? Что ей здесь нужно? Она одна?

— Да, не сказала зачем, просто требует видеть генерала. В общем... выглядит она недружелюбно, — пробормотал молодой помощник.

— Беда, беда! Неужели эта девчонка вернулась и плакалась ей? — Ли Миньгуань сглотнул.

— Доктор Ли, почему вы так ее боитесь? — удивился Тан Юнь.

— Ты не знаешь, эта матушка славится тем, что защищает свою подопечную как львица. Скорее всего, она решила, что мы вчера довели принцессу до слез, и пришла учинить расправу!

Тан Юнь растерянно моргнул:

— Что делать? Может... сказать, что вас нет?

— Плюнь! Другого обманешь, а ее — только жизнь терять. Когда покойная императрица скончалась, принцесса была совсем маленькой, многие хотели ею манипулировать. И что в итоге? Старуха встала на защиту, и ни одна наложница во дворце не посмела пикнуть. Ладно, ты присмотри за генералом, я пойду встречу ее.

С этими словами доктор, чьи одежды развевались, словно у небожителя, важно удалился.

Стоило им встретиться, как Ли Миньгуань перешел в наступление:

— Тетушка, ну разве можно так воспитывать детей? Эти слезы, эти истерики — вы же мешаете мне лечить пациента! Если не собираетесь драться, зачем столько гнева?!

— Ах ты, паршивец! Еще смеешь мне дерзить? Я с тобой еще не разобралась!

Матушка Ли ухватила его за ухо, вмиг уничтожив весь его «небожительский» вид.

Мало кто знал, что матушка Ли на самом деле была тетужкой Ли Миньгуаня по отцовской линии.

Впрочем, это неудивительно — в семье вырос такой позорный племянник: двадцать лет пытался сдать экзамены, каждый год проваливался, а в итоге, не имея выбора, сбежал в эту глушь жевать песок. Старуха даже говорить о нем не хотела.

— Тетушка, вы посмотрите на наш двор и чиновников — разве моя вина, что я не сдал экзамен? Не сдать в такой системе — это даже почетно! — заявил Ли Миньгуань.

— Паршивец! Еще и оправдываешься?! — матушка Ли замахнулась.

— Матушка, матушка, пожалуйста... если есть претензии, выскажите мне, — Су Лисюэ отодвинула занавеску. — ...Это моя вина, что я довела ее до слез.

Она боялась, что матушка Ли пришла из-за чего-то серьезного, и что та маленькая девочка пролила слишком много слез, подорвав свое здоровье.

— Зачем ты встала?! — Ли Миньгуань был в ужасе.

Какая опасность была вчера, он, как врач, знал лучше всех. Она едва держалась на ногах, каждое слово давалось с трудом, а она еще и гулять вздумала! Он гневно посмотрел на Тан Юнь:

— Ты как за ней присматриваешь?!

Молодой помощник с горечью ответил:

— Вы же знаете характер генерала, кто бы посмел ее удержать...

Увидев Су Лисюэ, тетушка Ли, которой боялся даже Ли Миньгуань, мгновенно сменила гнев на милость. Она склонила голову и почтительно поклонилась:

— Генерал, до меня дошли слухи, что в Летнем дворце Юэя принцесса довела вас до болезни. Девочка еще мала, неразумна, она не хотела вам перечить. С тех пор как императрицы не стало, она немного избалована. Если хотите кого-то винить — вините меня, это я ее разбаловала...

<http://bllate.org/book/20009/1974219>